

Глава 1

— И все-таки я полагаю, Константин Митрофанович, что смерть этого молодого человека произошла не по воле providения, а по злему человеческому умыслу. И прав, совершенно был прав мой коллега, который от постели больного поспешил к уездному следователю сообщить о странном случае. Не пренебрег своим, так сказать, долгом. Тоже засомневался!

Доктор снял очки и протер их большим клетчатый платком. Они стояли вдвоем на кладбищенской дорожке — доктор и следователь петербургской полиции Сердюков. Неподалеку завершала свой путь печальная процессия. Пришедшие проститься с покойным молча расходились, в воздухе еще стоял запах ладана от камильницы, которой помахивал батюшка, произнося зауспокойные молитвы. Воронье, потревоженное людьми, шумно поднялось и улетело прочь с недовольным карканьем. Ветерок шевелил ветки деревьев, на дорожки и могилы падала пожелтевшая листва. Лето было на исходе.

И столь же скоротечно закончилась жизнь Петра Викентьевича Соболева, единственного сына известного петербургского профессора, историка Викентия Соболева. Болезнь, которая так быстро свела его в могилу, стала для врачей неразрешимой загадкой. Над ней бились лучшие медицинские умы Петербурга, да

все без толку. Молодой человек буквально сгорел у них на глазах в ужасных мучениях.

— Не скрою, — продолжал доктор, — и ныне, несмотря на несомненный прогресс медицины, многое еще остается непознанным, но этот случай, — он удрученно покачал головой, — этот случай какой-то особенный, совершенно непонятный. Конечно, я могу отнести все происшедшее на счет неизвестной нам африканской заразы, но внутренний голос подсказывает мне, что дело тут совсем в ином. Уж больно странными были эти то ли ожоги, то ли язвы. Их происхождение вызвано явно не внутренней патологией организма, их причина лежит вне человеческого организма. Но что это? Точно не огонь. Человек не может так обжечься и не помнить, где получил ожог большей части тела. Никаких химикатов он на себя не проливал, ни с чем не соприкасался телом...

— Готов с вами согласиться, — кивнул головой его собеседник, высокий, очень худой белобрысый человек в форменном полицейском сюртуке. — Но в любом преступлении важен мотив. Зачем, кому понадобилось таким жутким образом сжить со свету безобидного молодого господина? Насколько я успел понять, семейство любящее, дружное. Странно.

Сердюков выразительно пожал плечами. По дорожке от могилы к ограде кладбища, за которой ожидали экипажи, на руках вынесли бесчувственную вдову, совсем еще юную, хрупкую, уничтоженную горем. Следом, медленно, но твердо, опираясь на руку племянника мужа, шла мать покойного, окутанная черной вуалью. Сам профессор Соболев не смог пережить потерю единственного обожаемого сына — его хватил удар, и он уже не вставал с постели.

Сердюков легонько кашлянул, прикрыв рот перчаткой. Дама остановилась.

— Господин следователь, вы хотите мне что-то сказать? — Сквозь вуаль сверкнули блестящие от слез глаза.

— Мадам, примите мои искренние соболезнования. Я потрясен скорой и печальной смертью вашего сына. Но, если вы позволите мне напомнить, наш прежний разговор остался незаконченным. Собственно, именно поэтому я здесь. И я, и доктор, мы оба полагаем, что эта трагедия не является случайностью. Возможно, это преднамеренные действия.

— Другими словами, вы снова настаиваете на мысли о том, что Петеньку убили? — Она нервно сжала руки в кружевных перчатках.

— Сударь! — резко произнес молодой человек, державший женщину под руку. — Вы не находите, что сейчас не самое подходящее время для подобных разговоров!

— Прошу прощения, господа! Я лишь хотел еще раз выразить вам свои соболезнования. Прошу прощения! — Сердюков искренне прижал руку к сердцу и чуть поклонился. — Однако же, Серафима Львовна, позвольте мне навестить вас на днях, когда вы сможете меня принять и уделить мне время для беседы.

— Что ж, извольте. Но не теперь... Прощайте!

Сердюков еще раз поклонился и снял шляпу. Молодой человек сухо кивнул и повел даму к экипажу.

— Экая бестактность! — процедил он сквозь зубы, но достаточно громко, чтобы собеседники могли слышать его слова, и искоса посмотрел на тетку.

— Совать нос в чужие дела — его долг. А наш долг — достойно проводить Петю, — с тяжелым вздохом ответила Серафима Львовна.

— Но ведь это какая-то белиберда, глупость несусветная. Чушь собачья! Навет! Кому надо убивать Петра! Господи! Петра!

Что-то в его словах показалось матери странным, словно промелькнуло затаенное недоумение. Мол, нашли кого убивать, неужели нету на свете более достойных личностей?

Она чуть отодвинулась и приподняла вуаль, чтобы посмотреть племяннику в глаза.

— Стало быть, Лавруша, ты полагаешь, что твой кузен был таким ничтожеством, что и смерти недостойн?

— О Господи! Серафима Львовна! Опять вы за свое! Прошу вас, не надо сцен, вы расстроены, я расстроен, наговорим друг другу гадостей! К чему теперь все это?

— Иными словами, ты хочешь сказать, Лавр, что теперь, когда ты остался в нашей семье единственным, то теперь, теперь...

Она стала всхлипывать и вся затряслась. Слезы не давали дороги словам. Впрочем, это и к лучшему. Что может быть нелепей семейной сцены у свежей могилы!

— Или, быть может... — Лавр оторопело остановился. — Быть может, вы и впрямь думаете, что Петра убили, и, может, вы про меня и думаете?

Собеседники замерли, глядя друг на друга, пытаются найти ответ на вопросы, мучившие их в последнее время.

— Ты прав, голубчик, — примирительно произнесла Серафима Львовна, и утерла платочком глаза. — Нам не надо говорить об этом сейчас.

Она опустила вуаль, которая бесшумно упала и скрыла ее прекрасное, совсем не тронутое ни горем,

ни возрастом лицо. Они поспешили к экипажу, и молодой человек почтительно помог женщине сесть.

Доктор и полицейский все это время неотрывно смотрели вслед уходящим, размышляя о том, было ли совершено убийство их сына и брата или тот скончался от доселе неведомой болезни?

В этот момент позади них раздалось смущенное покашливание. Сердюков и доктор разом обернулись. На дорожке стояла горничная Соболевых, крупная девица с резкими чертами грубого лица.

— Ваше высокоблагородие, — едва пролепетала горничная. — Дозвольте...

— Чего тебе? — изумился следователь. Он уже разговаривал с ней и ровным счетом ничего не вынес из этого разговора, кроме того, что собеседница тупа и пуглива.

Вот и теперь от его резкого тона она вздрогнула, и ее большие глаза еще больше округлились. Она беспомощно оглянулась и в величайшем смущении поправила нелепую черную шляпку, надетую по случаю похорон молодого господина.

— Я давеча испугалась сильно, оттого и говорить не могла.

— Да ты и теперь не больно смелая, — усмехнулся следователь, но голос его сделался мягче, доверительней. — Неужто вспомнила что-нибудь важное?

— Да я и не забывала, только сказать боялась, вдруг за дурную сочтете?

— Стало быть, ты желаешь дать показания?

— Желаю! — выдохнула горничная. — Да только мне бы так, чтобы господа не видели, нехорошо получится. Вроде как оговор.

— Изволь, — оживился следователь. — Мы с доктором пойдем вперед, а ты ступай следом, да не торо-

пись, иди тихонько. Выйдешь за ограду кладбища, пройдешь немного вперед и за сараями увидишь пролетку. Там мы тебя и будем ждать. Да не бойся, я тебя не съем! А если ты и впрямь важное расскажешь, так тем самым поможешь следствию, а это богоугодное дело, найти убийцу!

От последних слов следователя девица опять оробела и стояла с открытым ртом, пока мужчины не скрылись из глаз. Потом она охнула и, подхватив юбки, быстро засемила к выходу.

В кабинете следователя, узком и темном, было душно. Сердюков распахнул форточку и сел за стол. Стол, стул и суставы следователя — все разом издало неприятный скрип. Горничная Соболевых тарасила на него свои глаза-блюдца и часто дышала. Дурацкая шляпка подрагивала на ее голове.

— Вот что, милая, мы с тобой уговорились, что я не серый волк и не душегуб с ножиком. Так что прекрати дрожать и говори толком. — В голосе следователя послышалось плохо скрытое раздражение.

— Я, сударь, от того начать не могу, что не знаю, как подступиться. — Она помедлила, собралась с духом: — Ну да ладно. Барин молодой, тот, что с хозяйкой были, вы его на кладбище видали... — начала девица.

— Лавр Когтищев — племянник профессора Соболева? — уточнил следователь.

— Да-с, он фотографическим делом увлекается. Фотокарточки свои часто приносит в дом, господам показывает. Так вот зимой дело было, еще до Рождества, пришел он по обыкновению отобедать к господам — он у них, то есть у дяди своего, всегда покушать любит, — пришел, стало быть, и пальто мне подает в

прихожей, да трость, шапку, перчатки еще у него такие кожаные, дорогие...

Сердюков завозился на стуле, выражая нетерпение. Девушка между тем продолжала дотошно перечислять все предметы, кои она приняла от гостя.

— Я уж все повесила как подобает и тут только заметила, что на столике, что у зеркала в прихожей стоит, остался его портфель. Я хотела его взять да понести следом за господином Когтищевым в столовую. А он вроде как открыт оказался. Не заперт. Вы только не подумайте, ваше высокоблагородие, я бы ни за что его не открыла, боже упаси! Ни-ни! Я его только легонечко тронула, а он и распахнулся весь! Карточки-то и посыпались на пол. Я мигом бросилась собирать да обратно запихивать — что на них было, я и не смотрела. А только вдруг две мне прямо в глаза так и бросились. Одна, первая, там барыня моя изображена. Вернее, только одна ее голова, а все прочее в песке! А рядом еще одна такая же голова, вроде как мужская, мне показалось. И будто я угадала кто это, да разглядывать было некогда. Удивилась я еще, как такое могло быть, барыня моя — и вся целиком в песке? Голова точно сама по себе! И другая рядом!

— Что ж тут удивительного, если господа твои в Африку ездили, в Египет. Может и впрямь зарылись в песок?

Горничная от этих слов даже руками всплеснула.

— Да как же можно, сударь, о моей барыне такое говорить! Она дама очень к чистоте привередливая. Песчинку не допустит на подоле или на ботиночке. А тут, поди-ка! Целиком! Я так изумилась, что и вторую карточку взялась глядеть. А там, царица небесная, барин наш молоденький, Петр Викентьевич, весь в язвах, в струпьях весь и вроде как умирает! У меня

аж руки затряслись, я эту карточку опять уронила, как испугалась. Жуть-то какая!

— Погоди, погоди, — удивился следователь, — когда, говоришь, было это? Под Рождество? Ты не путаешь?

— Бог с вами! — Девушка махнула на полицейского рукой. — Память у меня крепкая.

— Выходит, ты увидела фотографический снимок болезни и смерти Петра Соболева за несколько месяцев до того, как это случилось?

— То-то и оно! Я оттого и боялась сказать, что не знала, как такое может быть. Образования у меня нету, буквы кое-как слагаю, но все ж умом постигнуть могу, что вперед самого дела-то фотографической карточки быть не может. Или может? — добавила она с сомнением.

— Черт знает что! — Следователь не скрывал своего недоумения. — А дальше-то что было?

— Да ничего! Я только успела обратно все положить да портфель на столик поставить, как гляжу — поспешает в прихожую господин Когтищев и тревожно так на меня глядит, не видала ли я чего. Я отворотилась, будто пальто его на вешалке поправляю, он портфель схватил и в столовую удалился.

— А про карточки ты никому не говорила?

— Нет, убоялась. Уж больно они странные и страшные. А теперь, когда Петенька умер, царствие ему небесное, — горничная поспешно меленько перекрестилась, — они у меня из головы не идут. Ведь я у его кровати стояла, видела эти язвы, точь-в-точь, как на фотографии, сударь, точь-в-точь! А теперь еще больше боюсь, что значит барынина голова на песке?

— Да... — многозначительно протянул Константин Митрофанович. — Удивительную историю ты

мне рассказала. Однако не врешь ли? Не сочиняешь? Может, Лавр Когтищев обидел тебя? Известное дело, когда молодые господа горничных обижают.

Собеседница вспыхнула.

— Господин Когтищев имел интерес, да только я тотчас же барину нажаловалась, он ему пригрозил отлучить от дома за безобразия. Барин наш строгий. Нет, зря я вам рассказала. — В голосе собеседницы послышалось уныние и сомнение. — Я знала, что вы не поверите, уж больно чудно все это!

— Полно, я не хотел тебя обидеть, моя работа такая — все проверять, во всем сомневаться. А то, что чудным кажется, чаще всего имеет какое-нибудь простое объяснение. И, может статься, мы его отыщем.

Глава 2

Экипаж остановился у парадного крыльца дома Соболевых. Навстречу поспешно выбежал швейцар в темно-синей ливрее и помог хозяйке сойти. Дверь была распахнута настежь.

— Барыню молодую внесли, вот только-только перед вами прибыли-с, — поспешил объяснить швейцар. — Без чувств пребывают-с! Да и мыслимо ли дело, овдоветь на первом году брака, да еще в их-то юных годах! Да, горе-то какое, барыня-матушка, ох какое горе вам-то, матери! — Швейцар сокрушенно качал головой.

— Знаю, знаю, любил ты Петрушу! — Хозяйка хлопала его по руке. — Благодарю за слезы. Ступай! Да молись за душу его!

Серафима Львовна направилась в свой будуар, но тут вдруг передумала, развернулась и пошла в спальню невестки.

В просторной комнате с плотно задернутыми шторами посреди широкой кровати лежала маленькая изящная женщина. Ее волосы и складки вдовьего черного шелкового платья разметались по кровати. Бледное лицо почти сливалось с безукоризненной белизной накрахмаленных простыней. Глаза женщины были закрыты, и только едва поднимавшаяся грудь указывала на то, что в ее теле еще теплится жизнь. Около постели, сгорбившись, сидел крепко сложенный широкоплечий молодой мужчина, брат юной вдовы. Он не выпускал из своих огромных ладоней ее бледную безжизненную ручку.

Серафима Львовна вошла и остановилась. Ее раздирали смешанные чувства. В первый миг ее пронзила острая жалость, которая почти сразу же сменилась нарастающей злобой и раздражением. Да и как же быть иначе! Что за безобразное представление устроила Зоя на кладбище! Как неприлично, надрывно она кричала, бросалась на гроб, пыталась кинуться в могилу! А потом впала в беспамятство. Разве ей, матери, не больно, разве для нее эта страшная смерть не конец света! Но она не может позволить себе такого неприличного поведения. Она из последних сил держит себя в руках! Как Петечке должно быть стыдно смотреть на все это с небес! Впрочем, чему удивляться, Зоин эгоизм и невыдержанность давно всем известны.

Серафима Львовна приблизилась к кровати. Скрипнула половица. Егор Аристов вздрогнул и поднял голову.

— Как она? — спросила Соболева, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче.

— Без чувств. Видимо, слишком глубокий обморок. Надо бы позвать доктора, не стало бы хуже.

— Да что же может быть хуже! — не сдержала раздражения свекровь. — Это обморок, пройдет. Она молодая и здорова. Пройдет, — добавила еще раз с уверенностью. Но в эти слова Серафима Львовна поневоле вложила совсем иные мысли. Пройдет не только обморок, пройдет и горе, и боль потери, и любовь к безвременно ушедшему мужу. — Зоя совсем не умеет вести себя на людях, не может совладать с собой!

— Помилуйте, Серафима Львовна! Разве можно упрекать человека в том, что он не совладал со своим горем! — изумился Егор.

— Я же не устраиваю показных истерик! Хотя мое горе — горе матери несравнимо с ее потерей!

Мужчина поспешно поднялся.

— Не надо, прошу, не надо делить любовь к покойному Пете. Вы обе любили его по-своему. — Он обошел кровать, на которой лежала его сестра и, осторожно ступая, приблизился к Серафиме Львовне: — Нет ничего более святого, чем любовь матери. Но знаете ли вы, что любовь двух существ разного пола тоже может быть всепоглощающей и неутолимой?

Последние слова он произнес с особым выражением. Серафима Львовна вздрогнула, внутри словно полыхнул огонь. Но тотчас стих, смирился, замер. Нет, теперь она не имеет права. И он не имеет права... Теперь всему конец, кара Господня страшна и справедлива... Она предала свою материнскую любовь, и Господь тотчас же наказал ее за этот грех. От этих мыслей у Серафимы Львовны голова пошла кругом. Они неотступно мучили ее в последнее время, терзали и грызли изнутри, не оставляя ни днем ни ночью. Она собралась, вскинула голову и хотела бросить что-то резкое в лицо собеседнику, но в это мгновение раздался слабый голос: